

Н. Л. ЧЛЕНОВА

НЕСКОЛЬКО ПИСАНИЦ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУВЫ

Тувинская автономная область до сих пор остается районом, слабо исследованным в археологическом отношении. Внимание исследователей привлекали главным образом памятники с орхоно-енисейскими надписями, которым посвящена большая литература. Что же касается других археологических памятников Тувы, то они изучены значительно меньше.

В 1881 г. в Туве побывал А. В. Адрианов. Он обнаружил и раскопал ряд могильных памятников в долине Хемчика, отметил несколько каменных изваяний там же, несколько писаниц при слияниях Пий-Хема и Хаа-Хема и по Хемчику и несколько орхоно-енисейских надписей. Им было зарисовано несколько писаниц и скопированы надписи¹.

В 1914 г. археологическими исследованиями в Туве занимался С. Р. Минцлов. Им раскопан ряд курганов, датированных, судя по его описанию, от скифского времени до средневековья, а также проведены обширные археологические разведки в долинах Хемчика и Енисея².

В 1927 и 1929 гг. в Туве производил разведки и раскопки С. А. Теплоухов. Район его исследований охватывал главным образом центральную часть Тувы: Шагонар на Енисее, Туран на р. Уюке, Атамановку, Бай-тах, Вскрыты были памятники разных эпох — от VII—V вв. до н. э. до позднего средневековья включительно. Материалы этих раскопок составили 33 коллекции Государственного музея этнографии в Ленинграде³. Однако результаты работ не опубликованы, вследствие чего пользование этим материалом сильно затруднено.

В 1931 г. вышла книга Appelgren-Kivalo, в которой опубликовано несколько памятников из центральной части Тувы: несколько «оленных камней» из Тарлака, Аршана, Турана (на р. Уюке) и «оленный камень» с р. Элегеста⁴.

В 1942 г. сотрудниками Государственного музея Тувинской Народной Республики проведена под руководством Н. Богатырева археологическая экспедиция в центральную и юго-западную часть страны. Результаты работы опубликованы лишь частично⁵. Экспедиция занималась учетом памятников древности — каменных баб, погребальных сооружений (повидимому, тюркского времени) и главным образом сбором писаниц. Были скопированы писаницы на скалах Енисея, в 4 км ниже Кызыла, и в долине Хемчика — в районе Кызыл-Мажалыка и Тээли.

¹ А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и на Саяны, совершенное в 1881 году, «Записки РГО», т. XI, СПб., 1888. Коллекции хранятся в Томском гос. университете.

² С. Р. Минцлов, Памятники древности в Урянхайском крае, «Записки Вост. отд. Русск. археол. об-ва», т. XXIII, Пг., 1916.

³ Инвентарные номера коллекций: 4547—4549, 4566, 4571—4576, 4604—4610, 4659, 4691—4697, 4702, 4718, 4729, 4732, 4746, 4747, 4797, 5079, 5081, 5131.

⁴ Н. Appelgren-Kivalo, Alt-Altäische Kunstdenkmäler, Helsinki, 1931, рис. 327—332.

⁵ Н. Богатырев, О тувинских памятниках древности, журн. «Под знаменем Ленина—Сталина», Кызыл, 1942, № 2, стр. 97—104.

В 1947 г. Саяно-алтайской экспедицией Академии наук СССР под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой была предпринята обширная разведка, охватившая большую часть территории Тувинской автономной области⁶. Отмечены могильные сооружения, городища, писаницы, оленные камни, орхоно-енисейские надписи, каменные бабы. Последний вид памятников впоследствии послужил предметом специального исследования Л. А. Евтюховой⁷.

В 1949 г. те же районы были обследованы комплексной экспедицией Института этнографии Академии наук СССР под руководством Л. П. Потапова (отчет об экспедиции хранится в Институте этнографии в Ленинграде). Работы были продолжены в 1953 г. Был открыт ряд новых археологических памятников, в том числе большое количество новых писаниц⁸.

Наконец, в том же 1953 г. сотрудником Тувинского областного краеведческого музея С. И. Вайнштейном проведены раскопки в центральной части Тувы — на р. Уюк в Пий-Хемском районе и в долине Хендерге в Улуг-Хемском районе. Раскопаны могилы бронзового века и курганы гунно-таштыкского и тюркского времени⁹.

Такова история археологических исследований в Туве. Лучше всего обследована центральная часть страны, значительно хуже — юго-западная Тува: бассейн Хемчика и хребет Танну-Ола, хотя, по мнению А. В. Адрианова и С. Р. Минцлова, именно этот край наиболее богат археологическими памятниками¹⁰. Поэтому каждый новый памятник из Тувы, а тем более из ее юго-западной части, представляет большой интерес.

В настоящей статье речь будет идти о нескольких писаницах из этого района, а именно — из окрестностей с. Тээли и Кызыл-Мажалыка в долине р. Хемчика, а также с р. Ихэ-Душин-гол, недалеко от сел. Саглы к югу от хребта Танну-Ола.

На протяжении от Тээли до Кызыл-Мажалыка р. Хемчик течет по тувинскому степному району, представляющему собой в этой части межгорную впадину, лежащую на высоте 900—1000 м над уровнем моря. Растительность здесь характерна для пустыни. Впрочем, в нескольких километрах к югу от русла Хемчика, как раз там, где расположены писаницы, проходит граница степного района с горно-лесным танну-ольским¹¹.

Область между селениями Хандагайты и Саглы, где расположена другая группа писаниц, находится на границе танну-ольского горно-лесного и успанурского пустынно-степного районов¹², т. е. на стыке южных склонов хребта Танну-Ола и монгольских степей, у границы Монгольской Народной Республики.

Таким образом, оба местонахождения писаниц расположены в сходных географических условиях, на стыке степной и горно-лесной зон.

Первая писаница находится в 4 км к юго-востоку от Кызыл-Мажалыка, на западном склоне небольшого отрога, сложенного из сланцев. Эта писаница (как и несколько других в Туве), известная под названием Бижикиг-хая («скала письмен»), впервые обнаружена в 1891 г. А. В. Адриановым, давшим ее описание и приблизительные зарисовки нескольких изображенных там сцен¹³. В 1942 г. экспедицией музея Ту-

⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-алтайская археологическая экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», XXVI, 1949.

⁷ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем МИА), 24, М., 1952.

⁸ А. Д. Грач, Археологические исследования в западной Туве, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXIII, М., 1955, стр. 19—33.

⁹ Отчет С. И. Вайнштейна за 1953 г., Арх. ИИМК АН СССР.

¹⁰ А. В. Адрианов, Указ. соч.: С. Р. Минцлов, Указ. соч., стр. 312.

¹¹ Сведения о ландшафтных условиях района даются по книге К. А. Соболевской «Растительность Тувы», Новосибирск, 1950.

¹² К. А. Соболевская, Указ. соч., стр. 27 и 109.

¹³ А. В. Адрианов, Указ. соч., стр. 403 и табл. II, рис. 15.

винской Народной Республики с этой писаницы были сняты сделанные от руки копии. В 1947 г. скалу Бижиктиг-хая посетила Саяно-алтайская экспедиция; упоминание об этой скале и о некоторых рисунках на ней имеется в отчете Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева¹⁴. Скала обследовалась и фотографировалась также в 1949 и в 1953 г. экспедицией Института этнографии АН СССР. В настоящее время, по сведениям, полученным от А. Д. Грача, часть скалы взорвана и большинство изображений погребено. В данной статье использованы прорисовки с фотографий ряда изображений на Бижиктиг-хая (рис. 9, 11, 19)¹⁵, а также копии с рисунков, сделанных сотрудниками экспедиции 1942 г.¹⁶

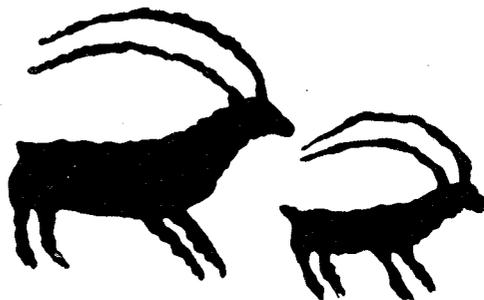

Рис. 1

О степени точности этих рисунков можно судить, сравнив рис. 3 с рис. 3а, представляющим собой фотоснимок того же изображения, сделанный участниками экспедиции Института этнографии в 1949 г.

Остановимся на описании рисунков, приводимых в настоящей статье.

На скале Бижиктиг-хая высечены как отдельные изображения, так и целые сцены.

Рис. 1 — два горных козла. Размеры левой фигуры 11×4 см, правой — $6 \times 2,5$ см. Повидимому, это те самые фигуры, которые схематически изображены у А. В. Адрианова¹⁷.

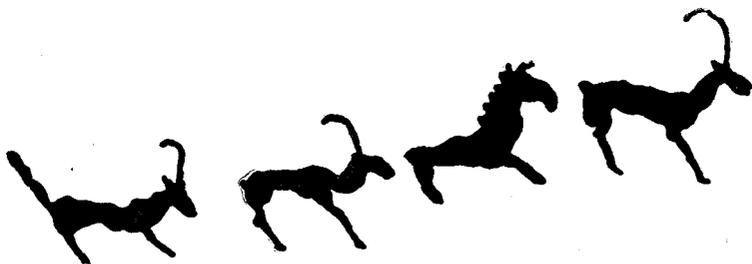

Рис. 2

Рис. 2 — три горных козла и лошадь, следующие друг за другом. Фигуры направляются вправо и вверх, каждая следующая фигура расположена несколько ниже предыдущей, точно все эти животные поднимаются одно за другим по горной тропинке. Очень живо и грациозно изображены горные козлы. Непонятным является изображение у последнего козла длинного хвоста, поднятого вверх, как у собаки. Размеры фигур слева направо: 7×6 см, 8×7 см, 4×7 см, 7×2 см.

Следующие изображения посвящены сценам охоты.

Рис. 3 и 3а — два горных козла и собака. Ниже изображен охотник, стреляющий из лука. В трактовке ног правого козла видно отступление от строго профильного изображения, типичного для этой писаницы. Фигура охотника передана схематично. Лук, из которого он стреляет, — простой, небольших размеров; судя по соотношению с фигурой человека, длина

¹⁴ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 124.

¹⁵ Фотографии предоставлены мне А. Д. Грачем.

¹⁶ Копии рисунков с этих писаниц были переданы сотрудниками Тувинского музея для публикации В. П. Левашевой. В. П. Левашева в свою очередь передала их мне, за что приношу ей глубокую благодарность.

¹⁷ А. В. Адрианов, Указ. соч., табл. II, рис. 15, справа.

его 60—70 см. Размеры: фигура охотника $10,5 \times 2$ см, остальные изображения занимают площадь 16×14 см.

Рис. 4 изображает собаку с поднятым хвостом, возможно, останавливающую двух горных козлов и лосиху с характерной вытянутой мордой. Размеры фигур: верхнего козла $8 \times 0,9$ см, нижнего — $15 \times 1,5$ см, лосихи 10×2 см, собаки 7×1 см.

Рис. 3

Рис. 3 а

Рис. 5 — человек, преследующий горного козла. Размеры фигур: козла $10 \times 3,2$ см, человека $6 \times 1,5$ см. Этот рисунок опубликован Н. Богатыревым¹⁸. Надо отметить, что все дикие животные, изображенные на писанице, переданы достаточно реалистично, так что можно довольно точно определить, какое животное перед нами. Вместе с тем манера изображения животных разнообразна. В особенности это заметно на фигурах горных козлов — самого часто сюжета как на этой, так и на других писаницах. По всей вероятности, изображения выполнялись разными художниками, каждый из которых был прекрасно знаком с этим животным.

Рис. 4

К изображениям собак мы вернемся ниже.

Рис. 6 изображает двух северных оленей¹⁹. Как известно, дикий северный олень до настоящего времени водится в Саянах. А. А. Машковцев высказал мысль, что он сохранился там с эпохи оледенения²⁰. Наша писаница находится южнее Саян, уже в предгорьях Танну-Ола. Возможно, что в древности северный олень водился и здесь. Никаких доказательств того, что изображены домашние, а не дикие олени, писаница не дает.

Размеры правой фигуры — 11×2 см, левой — 7×2 см.

¹⁸ Н. Богатырев, Указ. соч., стр. 103, рис. 1.

¹⁹ Пользуюсь случаем выразить благодарность В. И. Цалкину за помощь, оказанную мне при определении животных на этой и других писаницах.

²⁰ А. А. Машковцев, Саянский дикий реликтовый северный олень, «Доклады Академии наук СССР», т. XXVII, 1940, № 1.

Другая группа изображений: домашние животные и сцены, относящиеся к скотоводству.

На рис. 7 изображены две бегущие лошади. Одна из них — с коротким торчащим хвостом, другая — без хвоста, обе с короткими гривами. А. В. Адрианов отмечал существование у тувинцев обычая коротко стричь лошадям гривы, челки и хвосты. О том же пишет и В. Родевич²¹. Может быть, этот обычай существовал и в древности. В настоящее время

Рис. 5

Рис. 6

тувинцы коротко стригут гривы и хвосты меринам на втором году жизни²².

Размеры фигур: левой — $10 \times 1,5$ см, правой — 6×1 см.

Рис. 8 изображает двугорбого верблюда. Как известно, приручение верблюда относится еще к эпохе бронзы²³. Для более позднего времени (конца тагарской эпохи) известна бронзовая бляха, найденная в Минусинской котловине и изображающая человека верхом на верблюде²⁴.

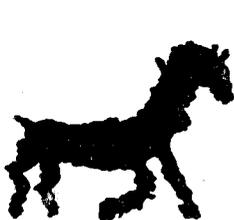

Рис. 7

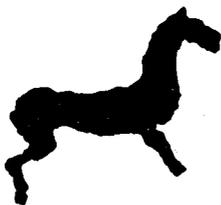

Рис. 8

Вполне вероятно поэтому, что на нашей писанице изображен домашний верблюд.

Размер фигуры 20×3 см.

Следующую группу изображений на скале Бижикиг-хая можно связывать с культовыми представлениями оставившего их древнего населения.

На рис. 9 изображена в профиль горная индейка, или улар (*Tetraogalus altaicus*)²⁵. Хорошо переданы форма тела птицы и в особенности ее

²¹ А. В. Адрианов, Указ. соч., стр. 341; В. Родевич, Урянхайский край и его обитатели, «Известия РГО», т. XLVIII, вып. I—V, 1912, стр. 154.

²² Устное сообщение С. И. Вайнштейна.

²³ Кости домашнего верблюда найдены при раскопках Алексеевского поселения, близ Кустаная (см. О. А. Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. историч. музея, XVII, стр. 101—102); кости определены Н. А. Сугробовым. Погребения двух верблюдов со сбруйнными бляхами найдены в Закавказье, в Кара-Булаке (курган № 5, раскопки А. А. Ивановского), «Материалы по археологии Кавказа», VI, М., 1911, стр. 162—164. Время кургана — IX—VIII вв. до н. э.

²⁴ С. А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. 1, рис. 100.

²⁵ Определение произведено орнитологами проф. Г. П. Деметьевым, проф. Н. А. Гладковым и С. М. Успенским, за что приношу им искреннюю благодарность.

струйчатая окраска. Ниже птицы расположены три человеческие личины, одна из них с тремя отростками в виде рогов на голове, и схематически изображенное животное. Эти личины, несомненно, представляют собой шаманские изображения — стоит только сравнить их с бляхами, найденными на рр. Илеме, Ангаре, Малой Кети, Чадобце, Енисее и других²⁶ (рис. 10, 1, 2). Вплоть до последнего времени шаманы многих сибирских народов носили на голове рогатую корону; это известно в отношении кетов²⁷,

Рис. 9

баргузинских и нерчинских тунгусов²⁸, бурят²⁹, орочей³⁰, и других (рис. 10, 3, 4).

У первобытных народов (например, в прошлом у тунгусов) охоте обычно предшествовало целое представление, изображающее предстоящую охоту, с целью добиться богатой добычи. Во время таких церемоний охотники у тунгусов надевали рогатые головные уборы. А. Ф. Анисимов связывает

²⁶ А. А. Спицын, Шаманские изображения, «Записки отд. русск. и славянск. археологии Русск. археол. об-ва», VIII, вып. 1, СПб., 1906, рис. 492, 494, 495; А. П. Окладников, Древние шаманские изображения из Восточной Сибири, «Советская археология», X, 1948, рис. 5, 9, 10.

²⁷ В. И. Анучин, Шаманство у енисейских остяков, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (в дальнейшем цит. Сб. МАЭ), т. II, вып. 2, СПб., 1914, рис. 103, 104.

²⁸ С. М. Широкогоров, Опыт исследования основ шаманства у тунгусов, «Ученые записки историко-филологич. факультета в гор. Владивостоке», т. I, Владивосток, 1919, стр. 79.

²⁹ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, Материалы для изучения шаманства в Сибири, «Изв. Вост-Сиб. отд. РГО», т. XIV, 1883, № 1—2, стр. 42 и табл. 3, фиг. 3,

³⁰ Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936, стр. 394.

это с маскировкой, применяемой на охоте³¹. Так, тунгусы часто в целях маскировки надевали на голову шапку, сделанную из шкуры оленя с настоящими оленьими рогами³² (рис. 10, 5, 6).

Продолжая это сопоставление, можно предполагать охотничье происхождение рогатых головных уборов шаманов, в том числе и рогатых корон,

Рис. 10. Этнографические параллели к рис. 9 и датирующие археологические материалы: 1 — литое бронзовое изображение головы шамана, р. Илим (по Окладникову); 2 — литое бронзовое изображение головы шамана, р. Ангара (по Окладникову); 3 — корона бурятского шамана (по Агапитову и Хангалову); 4 — корона кетского шамана (по В. И. Анучину); 5 — тунгус в рогатой шапке, XVIII в. (по Георги); 6 — рогатая шапка якута (по Окладникову); 7, 8 — рисунки писаницы Кызыл-хая на р. Уйбате (по Апфельгрэн-Кивало)

и убора того типа, который представлен на нашей писанице. В таком случае третий отросток, торчащий посередине головы, может быть сопоставлен с «ножом», торчащим надо лбом на короне кетских шаманов, а спускающиеся от рогов вниз своеобразные «плетки» — с цепями на коронах бурятских шаманов³³.

³¹ А. Ф. Анисимов, Представления эвенков о шингкэнах, Сб. МАЭ, XII, М.—Л., 1949, стр. 180.

³² Изображение тунгуса в такой шапке см. в книге Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 3, СПб., 1799, рис. 59.

³³ В. И. Анучин, Указ. соч., рис. 103; Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, Указ. соч., табл. 3, рис. 3.

Впрочем, известно много трехрогих головных уборов шаманов, где «рога» не похожи на звериные и имеют, по всей вероятности, совсем другое происхождение³⁴. Такие головные уборы имеют широкое распространение и, повидимому, большую древность.

Как бы то ни было, личины, представленные на писанице,— это шаманские изображения. Их расположение под рисунком улара вряд ли случайно. Птицы из породы тетеревиных и некоторые другие играют большую роль в связанных с охотой культовых представлениях многих сибирских народов — тубаларов, кызыльцев, сагайцев, хантов³⁵. У селькупов есть род Глухаря (сәнкыль-тамтыр) и Глухариного Клюва (сәнкыль укыль тамтыр)³⁶. В качестве «знамен» остяков и вогулов еще в XVII в. часто изображались тетерева³⁷. Эти примеры свидетельствуют о том, что тетерев, повидимому, был тотемом у угорских и самодийских народов. Возможно, что улар, который относится к фазаньим, благодаря своему сходству с тетеревиными, также почитался у древних обитателей Тувы, оставивших писаницы.

Самому улару на Тянь-Шане, в Кашгарии и в других местах до настоящего времени приписывают целебные свойства,— считается, что мясо его предохраняет от оспы.

Возможно, что рисунку на писанице, изображающий улара, и под ним три маленькие головки шаманов — это изображение тотема какого-нибудь из древних родов или во всяком случае изображение птицы, так или иначе связанной с культом.

Улар водится обычно высоко в горах, вблизи вечных снегов, но зимой часто спускается ниже, даже в степь, на степные бугры, избегая лишь мест, покрытых лесом. В Туве улар водится и в Танну-Ола³⁸. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что изображение улара найдено в степном районе по Хемчику, прилегающем к Танну-Ола.

Размер фигуры улара — 69×53 см.

На рис. 11 изображены три рогатые личины того же типа, что и на рис. 10. Поверх правой личины выбито изображение горного козла (на рисунке для удобства фигура горного козла изображена точками, личина — сплошной черной линией), слева от этой личины — еще один горный козел, выполненный в манере, напоминающей козлов на рис. 2.

В левой части рисунка — какое-то схематически изображенное животное, внизу — выбитое по контуру изображение оленя с подогнутыми ногами(?).

Нет уверенности, что изображения козлов (в особенности правого, пересекающего изображение рогатой личины) связаны композиционно с личинами. Однако это не исключено.

Напомним, что в Таджикистане существовал особый культ горного козла³⁹. Возможно, что и данное изображение горного козла в сочетании с шаманскими атрибутами тоже имело какое-то культовое значение.

Размеры изображений: животного 9×4 см, верхней левой личины $9 \times 8,5$ см, нижней личины $6,5 \times 5$ см.

³⁴ См. Л. Р. Кызласов, К истории шаманских верований на Алтае, «Краткие сообщения ИИМК», XXIX, 1949.

³⁵ Д. К. Зеленин, Указ. соч., стр. 9, 17.

³⁶ Е. Д. Прокофьева, О социальной организации селькупов, «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Нов. серия, т. XVIII, М.—Л., 1952.

³⁷ Н. Н. Оглоблин, «Знамена» сибирских инородцев XVII в., «Записки Уральск. об-ва любителей естествознания», т. XIII, вып. 1—2, Екатеринбург, 1891—1892, таблицы рис. 1 и 43.

³⁸ П. П. Сушкин, Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли, «Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отделение зоологии», вып. XIII, М., 1914, стр. 109—110.

³⁹ См. Н. А. Кисляков, Бурх — горный козел (древний культ в Таджикистане), «Советская этнография», 1934, № 1—2; его же, Охота таджиков долины р. Хингоу в быту и фольклоре, «Советская этнография», 1937, № 4.

Все изображения на скале Бижиктиг-хая, по свидетельству А. В. Адрианова, нанесены двумя приемами. Первый прием заключается в нанесении углубленных линий острым орудием. Второй прием описан им так: «другие фигуры представляют сдoblбленной всю поверхность, заключенную между линиями очертания наружной формы, или сдoblбленными только некоторые части этой поверхности»⁴⁰. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев сообщают, что караван яков и отдельные фигуры животных и птиц на этой скале выбиты «глубокими выемками»⁴¹. Судя по копиям с эстампажей Тувинского музея и по свидетельству видевших эту писаницу А. Д. Грача

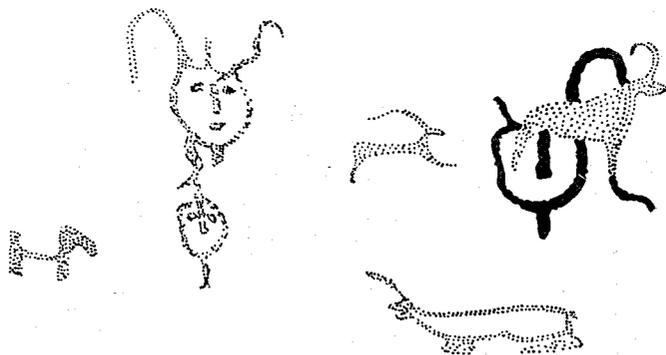

Рис. 11

и С. И. Вайнштейна, все описанные выше фигуры исполнены точечной техникой. Диаметр ямок в камне — до 1,5 мм⁴².

Писаницы Минусинской котловины, выбитые точками, С. В. Киселев датирует тагарским временем (VII—I вв. до н. э.)⁴³. Та же датировка принята и для писаниц Казахстана⁴⁴ и Алтая⁴⁵. Точечная техника в это время применялась и в Туве. Этой техникой выполнены и многие животные на каменных столбах Тувы, например, из Аршана и того же Турана. Среди этих животных многие выполнены в типичной «скифо-тагарской» манере (олени с подогнутыми ногами и пр.).

Рогатые личины — шаманские изображения — выше сопоставлены с находками на Илеме, Ангаре, Чадобце и т. д. А. П. Окладников считает, что эти находки датируются временем около начала нашей эры, некоторые из них могут быть и старше⁴⁶. В Минусинской котловине на писанице Кызыл-хая на Уйбате есть изображения людей в подобных же головных уборах; один из них мешает что-то в котле «скифского типа», другой изображен верхом на лошади, а сзади него также находится «скифский котел»⁴⁷. Изображения выполнены точечной техникой (рис. 10, 7, 8). Как известно, Боярская писаница с изображением таких котлов датируется позднетагарским временем. Таким образом, писаница Бижиктиг-хая может датироваться временем от VII в. до н. э. до рубежа н. э. Оснований для более поздней датировки этой писаницы у нас пока нет.

⁴⁰ А. В. Адрианов, Указ. соч., стр. 403.

⁴¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Указ. соч., стр. 124.

⁴² Сообщено С. И. Вайнштейном.

⁴³ С. В. Киселев, Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц, Труды секции археологии РАНИОН, V, М., 1930, стр. 96, 98.

⁴⁴ С. С. Черников, Наскальные изображения верховий Иртыша, «Советская археология», IX, 1947, стр. 279, 280; Л. Р. Кызласов, Сыры-Булакская писаница в Бетпак-дала, «Краткие сообщения ИИМК», XXXV, 1950, стр. 143.

⁴⁵ Л. А. Евтюхова, К вопросу о писаницах Алтая, «Краткие сообщения ИИМК», XXXVI, 1951, стр. 189.

⁴⁶ А. П. Окладников, Древние шаманские изображения из Восточной Сибири, стр. 218—219.

⁴⁷ Н. Appelgren-Kivalo, Указ. соч., рис. 299, 300.

Вторая писаница, о которой будет идти речь (рис. 12), найдена геологом А. И. Левенко летом 1953 г. в районе, расположенном к югу от западного хребта Танну-Ола, на левом берегу р. Ихэ-Душин-гол, в 3—4 км к востоку от сел. Саглы, на высоте около 250 м, на поперечных сколах девонских красноцветных песчаников, покрытых железо-черной коркой солнечного загара⁴⁸. Размеры писаницы — приблизительно

Рис. 12. Саглы, большая писаница

40 × 50 см. Она изображает сцену облавной охоты на различных зверей. На писанице показаны семь охотников и столько же собак. Охотники расположены полукругом: внизу — два всадника, с правой стороны писаницы — два пеших, сверху — еще два пеших, причем один из них (левый) стреляет из лука вправо, а фигура другого расположена перпендикулярно другим фигурам писаницы, так что ноги его обращены вправо, голова — влево, лук со стрелой — к низу писаницы. Седьмой

⁴⁸ Выражаю глубокую благодарность А. И. Левенко за любезно предоставленные мне фотографии писаниц и подробные сведения об условиях их местонахождения и технике изображения.

охотник (возможно, загонщик) находится в левой верхней части писаницы (под фигурой кабана). Справа от него выбит какой-то непонятный узкий треугольник, обращенный вершиной вниз. Все охотники (кроме последнего) стреляют из луков в различных зверей, которых гонят на них слева три собаки: верхняя — кабана и двух горных козлов, две другие также преследуют горных козлов. Справа на этих козлов бросились и вцепились им в горло еще три собаки. Седьмая собака (в правой части писаницы) загоняет обратно в круг кабана, прорвавшегося сквозь цепь охотников.

Кроме горных козлов и кабанов, на писанице изображены и другие дикие животные: внизу — марал с большими ветвистыми рогами, в которого стреляют оба всадника, вверху справа — горный баран.

Рассматриваемая писаница представляет огромный интерес. Писаниц со столь детально разработанными сценами известно очень мало: это — Боярская писаница и еще несколько наскальных изображений; все они происходят из Минусинской котловины. В Туве известна пока только одна писаница такого рода. Мы можем полностью воспроизвести по ней сцену облавной охоты — одной из важнейших отраслей хозяйства древнего населения этого района.

Облавные охоты практиковались еще в недавнее время во многих местах Сибири, — сохранились многочисленные описания их. Наиболее подробное описание содержится в работе Д. А. Клеменца и М. Н. Хангалова «Общественные охоты у северных бурят»⁴⁹. Сравнивая это описание со сценой, изображенной на нашей писанице, нельзя не поразиться удивительному сходству между ними. Облавная охота у бурят была конная; каждый охотник имел при себе собаку. Это совпадает с тем, что мы видим на писанице.

Облава бывала подвижной и неподвижной, «когда гонят зверя, стоя на месте, или пускают в облавный круг лаек»⁵⁰. Повидимому, здесь изображена неподвижная облава.

При облавной охоте в круг часто попадали звери, опасные для облавщиков и особенно для лошадей: кабаны, росомахи, медведи, изюбры и другие. В таком случае охотники быстро спешивались⁵¹. На нашей писанице как раз изображены два кабана и марал, попавшие в круг. Возможно, что поэтому охотники в большинстве — пешие. Впрочем, известны облавы, в которых наряду с конными охотниками принимали участие и пешие (например, у забайкальских тунгусов)⁵².

Все животные, изображенные на писанице, — горные козлы, горный баран, марал, кабаны — до настоящего времени водятся в этом районе Тувы, по южному склону Танну-Ола⁵³. Можно предполагать, что изображенные на писанице собаки относятся к породе лаек. Интересно было бы сравнить их с собакой, найденной И. П. Кузнецовым-Красноярским и И. Т. Савенковым в раннетагарском кургане на р. Узунжул. И. Т. Савенков считает, что она по своим размерам и борзоватому складу отличается от обычных сибирских лаек⁵⁴. Судя по описанию, эта собака довольно сходна с изображенной на писанице и, может быть, относится к той же или близкой породе лаек или их предков. Все же это предположение должно быть проверено на большом количестве материала.

Собаки, представленные на других, уже рассмотренных писаницах (рис. 3 и 4), изображены гораздо схематичнее, но все же можно заме-

⁴⁹ «Материалы по этнографии», т. I, СПб., 1910.

⁵⁰ Там же, стр. 122.

⁵¹ Там же, стр. 137—138.

⁵² Сообщено Б. О. Долгих.

⁵³ М. И. Скобеев, Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности, «Северная Азия», 1925, кн. 5—6, стр. 118—119.

⁵⁴ И. Т. Савенков, Описание собаки древне-абаканской породы, «Изв. Вост.-Сиб. Отд. РГО», т. XXXVI, 1905, стр. 55—56.

тить, что они имеют более короткое и менее поджарое туловище. Возможно, что здесь представлена другая порода собак.

Люди на писанице изображены чрезвычайно схематично. Луки, из которых они стреляют, очень большие; размер их, если сравнить их с изображением людей, значительно более метра. Судя по изгибу, это сложный лук. Размер и форма лука в данном случае очень важны для датировки писаницы.

Как известно, в скифское время (VII—II вв. до н. э.) существовали сложные луки небольших размеров, как, например, изображенные на серебряном сосуде из Чистых курганов, на известном куль-обском сосуде и другие. В сарматское время (рубеж и первые века нашей эры) на территории Европейской России продолжал, видимо, существовать небольшой лук, судя по находке в Суловском могильнике⁵⁵. В Средней Азии и в Сибири на рубеже нашей эры появляется длинный лук. Так, в Киргизии, в Кенкольском могильнике, который А. Н. Бернштам датирует рубежом нашей эры, был найден сложный лук длиной около 1 м⁵⁶. В Ильмовой пади в Забайкалье был найден сложный лук длиной 1,4 м⁵⁷. Наконец, в самой Туве известно каменное изваяние, изображающее человека с сосудом в руках, сидящего, поджав ноги «калачиком». Ниже этого основного рисунка высечены изображения сосуда на поддоне, «скифского котла» и охотника, стреляющего в оленя из сложного лука, который по длине даже превышает рост человека. По изображению упомянутых сосудов М. П. Грязнов датирует это изваяние временем около нашей эры или несколько позднее⁵⁸.

А. П. Окладниковым в Ангарской тайге, в районе Братска, было открыто погребение, которое он считает возможным датировать даже VIII—IV вв. до н. э. В погребении найден сложный лук гуннского типа; длина его неизвестна⁵⁹.

Интересно обратить внимание и на конскую сбрую. На крупных коней изображены какие-то выступы. Возможно, что это — задние луки седел; в таком случае здесь изображены седла с высокой задней лукой. Седла с высокими луками появляются также около рубежа нашей эры. Судя по берестяной обкладке передней луки седла, найденной в склепе № 1 Уйбатского чаатаса, относящемся к таштыкскому времени, седло было уже с высокой передней лукой⁶⁰ (Сырский этап, середина I в.—II в. н. э., по Л. Р. Кызласову⁶¹). На Алтае, в районе Каракольской МТС на р. Урсуде, в кургане № 2 С. В. Киселевым найдены костяные обкладки не только передней, но и задней луки седла; это свидетельствует о том, что седло было с высокой передней и задней луками (дата кургана — рубеж н. э.⁶²). Из более далеких аналогий можно указать на изображения всадников в склепе Анфестерия (начало I в. н. э.), где отчетливо видны высокие задние луки седел⁶³.

Однако категорически утверждать, что на нашей писанице изображены седла с высокой задней лукой, мы не можем. Возможно, что эти выступы изображают верхние части колчанов, висящих у седла.

⁵⁵ П. С. Рыков, Суловский курганный могильник, Саратов, 1925, ст. 53. Восстановленная длина лука — 75 см.

⁵⁶ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, стр. 21 и табл. XXVIII.

⁵⁷ Г. П. Сосновский, Раскопки Ильмовой пади, «Советская археология», VIII, 1946, стр. 62.

⁵⁸ М. П. Грязнов, Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами, «Советская археология», XII, 1950, стр. 148, рис. 17.

⁵⁹ А. П. Окладников, Погребение бронзового века в Ангарской тайге, «Краткие сообщения ИИМК», VIII, 1940, стр. 111.

⁶⁰ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, МИА, 9, 1949, таб. XXXVI, рис. 1.

⁶¹ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха (I в. до н. э. — V в. н. э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины (Кандидатская диссертация), М., 1953.

⁶² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 189, 190.

⁶³ «Отчет археологической комиссии за 1878 г.», Атлас, табл. I, рис. 1.

На конях изображены, повидимому, и чепраки. Находки чепраков известны из ноин-улинских курганов⁶⁴. Таким образом, и эта деталь как будто не противоречит датировке.

Слева на писанице изображена непонятная фигура, имеющая форму } . Можно было бы думать, что она не имеет отношения к данной сцене, если бы подобные фигуры не встречались на других писаницах. Так, например, подобные фигуры изображены на скалах Пери-носа и Бесова носа

Рис. 13. Саглы, малая писаница

на Онежском озере⁶⁵, причем во всех случаях они расположены позади животных или птиц. На нашей писанице собаки гонят козлов от этой фигуры. Может быть, это изображение загородки, иногда применяемой при облавах, чтобы заменить часть цепи загонщиков. Во всяком случае на эту фигуру следует обратить внимание. Возможно, что последующие находки позволят объяснить ее назначение.

Изображения на писанице выполнены точечной техникой по всей площади фигур. Мы уже упоминали, что эта техника применялась в Туве в скифо-тагарское время. Однако длинные луки охотников, чепраки и, возможно, высокие седельные луки, изображенные на писанице, говорят о том, что это изображение более позднее. По-видимому, писаницу сле-

⁶⁴ К. В. Тревер, Находки из раскопок в Монголии в 1924—1925 гг., «Сообщения ГАИМК», № 9—10, 1931, стр. 41.

⁶⁵ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, Л., 1936, табл. 12, рис. 81; табл. 28, рис. 47; табл. 30, рис. 83.

дует датировать временем около нашей эры. Оснований для более поздней даты в данном случае нет.

Хотелось бы отметить, что эта писаница по стилю очень близка к минусинским. Уже говорилось, что столь детально разработанные сцены известны пока лишь в Минусинской котловине. Сходство с минусинскими изображениями проявляется и в трактовке животных и в особенности в фигуре всадника (слева внизу), очень похожего на всадника с оглахтинской писаницы⁶⁶. Кстати, оглахтинский всадник вооружен таким же сложным длинным луком; это позволяет предполагать, что точечная техника и в Минусинской котловине существовала по крайней мере до рубежа нашей эры, если не позднее.

Следующая писаница (рис. 13) найдена также А. И. Левенко, в том же районе, на расстоянии нескольких метров от только что описанной. Здесь тоже изображена сцена охоты. Слева вверху — две человеческие фигуры; один из людей стреляет из длинного лука в какое-то крупное животное (медведя или кабана); левее изображена фигура ζ , подобная тем, о которых мы уже говорили, но на этот раз не позади, а впереди животного.

Изображение выбито точками. У охотника такой же длинный лук, как на предыдущей писанице. Поэтому датировать эту писаницу следует тем же временем, что и предыдущую. Следует обратить внимание на верхнюю человеческую фигуру. Подобные фигурки есть на писанице у пос. Качуг на Лене. Опубликовавший эти изображения П. П. Хороших датирует их временем позже VIII в. н. э., так как «они по своему виду напоминают изображения людей, встречающихся на старинных бурятских онгонах»⁶⁷. Не считая возможным оспаривать датировку ленской писаницы, выполненной совсем иной техникой, замечу только, что распространять эту датировку на другие подобные же изображения нельзя, так как они существуют со значительно более раннего времени. Так, подобная фигурка, отлитая из бронзы и найденная в Чердынском уезде, датируется, по аналогии с Лозьвинским кладом, III—II вв. до н. э.⁶⁸ А в 1952 г. А. Н. Липским найден в тагарском кургане в улусе Бельтыры фрагмент плиты с подобным изображением человека, упершего руки в бока («фертообразная фигура»); техника изображения — точечная. Плита служила крышкой каменного ящика, и, таким образом, изображение не может быть моложе тагарской эпохи⁶⁹.

Итак, все рассмотренные писаницы относятся к тагаро-таштыкскому времени (по минусинской хронологии), скорее — к концу тагарской и началу таштыкской эпохи.

Как уже упоминалось, в Туве известны и более ранние писаницы — тагарского времени; это изображения на «оленных камнях», например, на р. Уюке, в окрестностях Аршана и Турана⁷⁰, различных животных — оленей, кабанов, лосей, лошадей. Манера, в которой они выполнены, не похожа на минусинскую, но очень близка к алтайской; особенно характерны приподнятый зад животных, закинутая назад голова, как-то безжизненно висящие ноги⁷¹. Судя по изображению оленей, напоминающих бронзовые тагарские бляшки I стадии, эти писаницы датируются скорее всего VII—V вв. до н. э.

⁶⁶ Н. Appelgren-Kivalo, Указ. соч., рис. 137.

⁶⁷ П. П. Хороших, Наскальные рисунки на берегах Лены, «Природа», 1954, № 3, стр. 110—111.

⁶⁸ В. Н. Черенцов, Бронза усть-полуйского времени, «Материалы и исследования по археологии СССР», 35, стр. 161, табл. XVIII, рис. 1 и стр. 226—227.

⁶⁹ Фотография плиты демонстрировалась А. Н. Липским на его докладе в Гос. историческом музее 4 мая 1954 г.

⁷⁰ Н. Appelgren-Kivalo, Указ. соч., рис. 329, 331.

⁷¹ См. А. И. Минорский, Древние наскальные рисунки Горного Алтая, «Краткие сообщения ИИМК», XXXVI, 1950, стр. 185, рис. 54, 2.

Интересно, что и погребения того же времени из Тувы не похожи на минусинские — там совершенно другая керамика: округлые плоскодонные кувшины с прямыми шейками и валиками под горлом, а иногда — с наделанными ручками на самой широкой части тулова, баночные сосуды с намечающейся шейкой и загнутым внутрь краем и пр.⁷² Встречены погребения с конем и удила в погребениях, чего не было в это время в Минусинской котловине. Зато все это типично для Алтая.

Это сходство Алтая и Тувы в скифское время отмечено С. В. Киселевым в его книге «Древняя история Южной Сибири», где приводится много

Рис. 14

вещевых аналогий для этих двух мест. С. В. Киселев делает отсюда вывод: «...то, что известно благодаря исследованиям А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова о Тувинской автономной области, показывает явное родство с Алтаем». И далее: «Такая близость тувинских древностей к алтайским, несмотря на соседство их с Минусинской котловиной, не случайна. Она указывает на наличие восточных связей Алтая и южных Саян с областями, откуда в первую очередь могли проникнуть представители того монголоидного типа, который был обнаружен в Туяхтинском кургане № 6».⁷³

Тот же вывод о западных связях Тувы «в эпоху господства в крае длинноголового племени»⁷⁴ был сделан еще в 1914 г. С. Р. Минцловым. Этот вывод он основывал на том, что в это время «главной караванной артерией и центром жизни страны служила долина Кемчика, наиболее богатая находками и памятниками древности; факт этот указывает, между прочим, на то, что главное тяготение страны было не к Китаю, а ...в сторону Восточного Туркестана»⁷⁵.

Если же обратиться к более позднему времени, то картина несколько меняется. Тувинские писаницы, которые мы рассматриваем в этой статье и которые, как мы установили, относятся к концу тагарского и началу таштыкского времени, похожи на синхронные им минусинские как по сюжетам (люди в рогатых уборах, уже упоминавшиеся фигуры всадников), так и по манере изображения; особенно это относится к писаницам из Саглы. То же наблюдается и в могильном инвентаре таштыкского времени из Тувы. — он очень сходен с таштыкским минусинским (керамика из того же Турана, Шагонара, Бай-таха, типичная раннеташтыкская пряжка из Бай-таха)⁷⁶. Правда, писаницы этого времени, которые здесь рассматриваются, находятся в юго-западной части Тувы, а раскопанные курганы —

⁷² Сел. Туран на р. Уюке, раскопки С. А. Теплоухова, 1929, Гос. музей этнографии народов СССР, колл. № 5131.

⁷³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 174, 176.

⁷⁴ Т. е. в тагарское время: в курганах этого времени в Туве С. Р. Минцловым были обнаружены длинноголовые костяки.

⁷⁵ С. Р. Минцлов, Указ. соч., стр. 312.

⁷⁶ Раскопки С. А. Теплоухова, Гос. музей этнографии народов СССР, колл. № 4659, 4692, 4729, 5128.

в центральной; поэтому нет полной уверенности в том, что оба вида памятников принадлежат одной культуре, но все же это вполне вероятно.

Как показала на археологическом материале С. В. Зотова, около рубежа нашей эры наблюдается проникновение тувинского населения в Минусинскую котловину⁷⁷. Вполне возможно, что отмеченное сходство писаниц позднетагарского и раннеташтыкского времени из Тувы и Минусинской

Рис. 15

Рис. 16

котловины следует сопоставить именно с этими связями Тувы и Минусинской котловины в рассматриваемую эпоху.

Остается рассмотреть еще одну группу изображений, находящуюся в окрестностях с. Тээли на Хемчике (в 5 км к юго-востоку от Тээли, справа от дороги из Булуна).

Рис. 14 — группа животных, обращенных головами влево. Крайняя левая фигура изображает оседланную лошадь с длинным хвостом. У седла хорошо заметна задняя лука. Далее друг над другом довольно схематично изображены два животных; определить их трудно. Правее — так же схематично выполненная фигура животного с длинными, горизонтально расположенными, направленными назад рогами. Возможно, что это антилопа-дзерен, или, по-тувински, — чэрэн (*Gazella gutturosa*). Известно, что дзерены водятся в Северо-Западной Монголии, у самых границ Тувы, например, на р. Тесе, южнее Танну-Ола⁷⁸, а также в Туве. Поле под ногами животного на писанице испещрено крупными точками. Размеры всего рисунка — 76 × 28 см.

Рис. 15 — сцена охоты на оленя (скорее всего — марала), за которым следует чрезвычайно схематично изображенный человек, повидимому, стреляющий в него из лука. Размер всего рисунка — 32 × 22 см.

Рис. 16 посвящен сценам охоты и оленеводства. В левой части изображены горный козел и под ним животное с ветвистыми рогами, длинными ногами и горбатой, загнутой книзу мордой. Судя по изображению морды и ног, это — лось. В лося стреляет человек из громадного лука — на рисунке длина его превышает рост человека. Такой величины луки известны в этнографии сибирских народов. Так, у хантов луки достигали 133—177 см, у манси 196 см, у эвенков 160 см, у якутов даже 210 см⁷⁹. Верхний конец лука имеет три выступа. Нечто подобное можно видеть на луке «татар Красноярского уезда» XVII в.⁸⁰

Изображенная на нашей писанице стрела имеет очень крупный раздвоенный («вилчатый») наконечник. Такого типа наконечники появля-

⁷⁷ С. В. Зотова, Конец тагарской культуры (дипломная работа, рукопись), МГУ, 1953.

⁷⁸ В. Дорогостайский, Поездка в Северо-Западную Монголию, «Изв. РГО», т. XLIV, вып. V, 1908, стр. 240.

⁷⁹ Б. Адлер, Лук и стрелы Северной Азии, «Русский антропологический журнал», 1903, № 4, стр. 183.

⁸⁰ Н. Н. Оглоблин, Указ. соч., рис. 91, таблицы.

ются довольно поздно (они известны не раньше VIII в. н. э.)⁸¹ и употребляются и в настоящее время для охоты на птиц, а более крупные — для самострелов на различных животных. Некоторые наконечники достигают длины 18 см⁸².

Над охотником, немного правее, изображена фигура марала. В правой части писаницы — человек, накидывающий укрюк (палку с ременной петлей на конце) на схематично изображенного оленя. Эта сцена, несомненно,

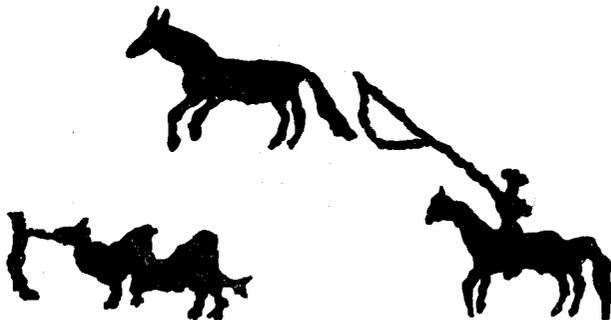

Рис. 17

говорит о том, что перед нами изображение домашнего северного оленя. Как известно, в Туве до настоящего времени население занимается разведением северных оленей саянской породы. Л. Р. Кызласовым доказано,

Рис. 18

что одомашнение северных оленей в районе Алтае-Саянского нагорья восходит по крайней мере к таштыкской эпохе⁸³.

Общие размеры изображенной сцены — 60 × 32 см.

Рис. 17. В левой части внизу изображен человек, который тянет к себе верблюда, повидимому, за кольцо, продетое в носу животного. В правой части изображен всадник, накидывающий укрюк на лошадь. Укрюки употребляются многими скотоводческими народами (монголами, киргизами, казахами и др.) и в настоящее время⁸⁴. Как сообщил мне С. И. Вайнштейн, они есть и у тувинцев (местное название «урук»).

⁸¹ Такой наконечник стрелы (из железа) найден Б. Я. Владимирцовым в Северной Монголии, в могильнике Байн-даванэ-аман, датируемом VIII в. н. э. (см. Б. Я. Владимирцов, Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, Сб. «Северная Монголия», т. II, Л., 1927, стр. 39, рис. 1).

⁸² С. И. Руденко, Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска, отд. оттиск из книги «Материалы по этнографии», т. II, СПб., 1914, стр. 6—7, и рис. 5-а и 5-в на стр. 6.

⁸³ Л. Р. Кызласов, Древнейшее свидетельство об оленеводстве, «Советская этнография», 1950, № 2.

⁸⁴ См., например, Л. П. Потапов, Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни, Сб. МАЭ, XII, М.—Л., 1949, стр. 50—51 и 54—55.

Общий размер рисунка — 54 × 28 см.

Рис. 18 — изображение всадника, ведущего в поводу вторую лошадь. Общий размер рисунка — 52 × 24 см.

Таковы изображения на этой писанице. Техника, которой они нанесены, — точечная, как и на предыдущих писаницах. Однако эта писаница относится к значительно более позднему времени, на что указывают изображенные здесь орудия охоты и животноводства — стрела с раздвоенным наконечником, длинный лук, укрюки. Необходимо также отметить чрезвычайный схематизм, отличающий изображения этой писаницы от предыдущих и свойственный позднему времени.

Повидимому, к этой же поздней группе следует отнести изображение на скале Бижиктиг-хая, расположенное на значительном расстоянии от

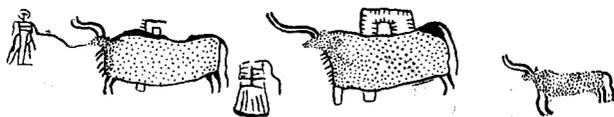

Рис. 19

основной группы рисунков (рис. 19). Здесь изображен караван яков; два из них — навьючены, их, повидимому, ведут под уздцы люди, одетые в длинные подпоясанные одежды типа шубы или халата; у переднего на голове круглая шапка. За навьюченными яками идет ненавьюченный. Н. Богатырев заключает, что «описанная картина изображает караван быков, нагруженных кладью, их ведут два купца. Это позволяет сделать вывод, что торговля не только существовала, но и занимала видное место в экономике древней Тувы. Только этим можно объяснить факт появления на скале этой картины»⁸⁵. Нам кажется, что для таких далеко идущих выводов описанная сцена никаких оснований не дает. Скорее всего она изображает просто перекочевку. О том, что жители Тувы при перекочевке использовали под вьюки быков, сообщает еще Рашид-эд-Дин⁸⁶.

Быков вьючат при перекочевках до настоящего времени. По всей вероятности, для этой же цели использовались и яки.

О домашних яках в Туве (местное название их «сарлыки») сообщают очень многие путешественники XIX в., побывавшие там; яки разводятся в Туве и в настоящее время.

На сравнительно позднюю дату этой сцены указывает манера изображения: фигуры яков и людей почти прямоугольны. Вначале глубокими резкими чертами наносили контуры рисунка, а затем выбивали его точками по всей площади — этого приема мы не видим на более ранних писаницах Бижиктиг-хая и Саглы. Наконец и одежда изображенных здесь людей очень напоминает центральноазиатские халаты или шубы, сшитые из отдельных шкур. — возможно, что линии на рисунке изображают швы.

Все это заставляет думать, что это изображение позже основной группы рисунков Бижиктиг-хая и сближается скорее с группой из Тээли.

На основании изучения публикуемых писаниц можно сделать следующие выводы:

⁸⁵ Н. Богатырев, Указ. соч., стр. 103.

⁸⁶ «Рашид-эд-Дин говорит, что во время перекочевок они вьючат скерб на быков, и это обыкновение сохранилось до сих пор» (И. Н. Березин, Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Труды Вост. отд. Археол. об-ва т. V СПб, 1898). Цит. по книге Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», Казань, 1903, стр. 1376.

1. Животный мир юго-западной Тувы в тагарско-таштыжское время не отличался по составу от современного, из чего следует, что и климатические и ландшафтные условия этого района на протяжении последних 2100—2300 лет не претерпели существенных изменений.

2. Население юго-западной Тувы в тагарско-таштыжское время занималось охотой и животноводством. Из домашних животных этого района нам известны собаки и лошади. Вероятно, разводили и верблюдов.

3. По религии древние жители Тувы были шаманистами. Головные уборы шаманов этого района сходны с шаманским головным убором современных народов Сибири, что говорит о крайнем консерватизме шаманских атрибутов. Религиозные представления древнего населения Тувы были, по-видимому, близки к представлениям современных кетов и угросамодийских народов, что подтверждает еще раз данные этнографии о связи этих народов с территорией Саян и Тувы.

4. Племена, населявшие около рубежа нашей эры юго-западную Туву, завязывают тесные связи с Минусинской котловиной, что приводит, в частности, к сходству в изобразительном искусстве этих двух областей.

5. Точечная техника нанесения писаниц, по крайней мере в Туве, не является признаком исключительно тагарского времени, а продолжает существовать и гораздо позже. Доказательством является публикуемая в этой статье писаница из окрестностей с. Тээли, выполненная точечной техникой и относящаяся, судя по изображенным на ней предметам, ко времени не ранее VIII в. н. э. Основой для датировки писаницы в каждом отдельном случае могут служить изображенные на ней предметы материальной культуры, датировка которых не вызывает особых сомнений, а также манера, стиль изображения и лишь в последнюю очередь — техника, которой нанесена писаница.